

II. KALBA. VISUOMENĖ. KULTŪRA / JĘZYK. SPOŁECZEŃSTWO. KULTURA

Алена Кардашова

Кафедра русского языка

Филологический факультет

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

пл. Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина

E-mail: murzila@ukr.net

Область научных интересов автора: анализ дискурса, лингвокультурология

ОБЫЧНЫЙ / ОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОЕКЦИИ СУБЪЕКТА ОБЫДЕННОГО ДИСКУРСА

Публикация посвящена поиску генерализующих структур обыденного дискурса. Поиск факторов, обеспечивающих единство и автономность обыденного дискурса, базируется на предположении, что целостность дискурса как такового гарантирована инстанцией дискурсивного субъекта. Стереотипная для русской лингвокультуры модель идентификации субъекта обыденного дискурса включает определение «обычный / обыкновенный человек». В статье на материале Национального корпуса русского языка проанализированы высказывания, содержащие идентификатор «обычный / обыкновенный человек», конкретизированы значения этой модели, реконструирована парадигма концептуальных смыслов, значимых для говорящего как субъекта обыденного дискурса. В настоящей публикации рассмотрены две группы значений – семантических единств, связанных с этой моделью: «человек с точки зрения соотносительности с некоторым целым» и «человек как центр микромира». Трансформация смыслов внутри этих семантических единств и характер связей между ними позволяют сделать вывод о синергетической природе семантической самоорганизации обыденного дискурса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: повседневность, обыденный дискурс, субъект обыденного дискурса, стереотипная модель идентификации, «обычный человек», «обыкновенный человек».

Обыденный дискурс как объект научного анализа является своего рода «точкой приложения» разнонаправленных исследовательских сил. Это обусловлено, с одной стороны, интересом лингвистов к дискурсу как предмету исследования, а с другой – пристальным вниманием философов, антропологов, культурологов к феномену обыденного.

Среди множества определений дискурса и отвечающих им принципов

дискурсивного анализа наибольший интерес для нас представляет понимание дискурса как «особого способа общения и понимания окружающего мира (или какого-то аспекта мира)» (Филлипс, Йоргенсен 2008: 18), как одного из возможных способов присвоения значений явлениям мира. Такая трактовка позволяет связать определенный тип дискурса и с типом сознания, и с некоторой «отрапсью жизни», и с модусом бытия. Corre-

лятами обыденного дискурса выступают обыденное сознание и повседневность, понятая как один из способов освоения мира. Известны сомнения в том, что обыденное сознание самостоятельно и самодостаточно, а за повседневностью как неспецифицированной отраслью жизни («прорехи бытия», «выпадающие из жизни»), своеобразным «жизненным фоном» закреплено свойство целостности. В таком случае вполне возможны сомнения и в целостности обыденного дискурса, потенциально соотносимого с бесконечным множеством «способов понимания», никак не связанных друг с другом. В попытке разрешить эти сомнения мы ставим перед собой задачу поиска генерализующих структур обыденного дискурса.

1. В ПОИСКАХ ЦЕЛОСТНОСТИ ОБЫДЕННОГО ДИСКУРСА

Допустим, что целостность обыденного дискурса задана позицией его субъекта. В отличие от реального говорящего субъект дискурса является своеобразным конструктом, дискурсивной категорией, суть которой предопределена позицией, позволяющей человеку порождать и преобразовывать смыслы. Такая позиция задает возможность производить определенные смыслообразующие акты и соотносить отдельные концептуализации: самоопределения, представления о себе самом и о других, представления о своем месте в мире, характере и свойствах вещей этого мира. Субъектная позиция в обыденном дискурсе маркируется стереотипными моделями идентификации, включающими определения «*обычный / обыкновенный человек*», «*простой человек*», «*обыватель*», «*средний человек*».

В данном случае мы остановимся на только одном определении – ОБЫЧНЫЙ / ОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК (далее ОЧ)¹. Чтобы понять, каким значением оно обладает, какие представления о человеке и мире в нем заключены, определим концептуальный объем его содержания и на основании этого попытаемся уяснить связь субъектной позиции со свойствами обыденного дискурса как некоей целостности. Определяя объем смысла ОЧ, выделим признаки, позволяющие отнести некоего человека (X-а) к этому разряду. Для этого используем контексты идентификации (включающие X-а по какому-либо параметру в класс ОЧ) и контексты противопоставления (они дадут нам признаки, исключающие X-а из этого класса).

В ряде случаев такие признаки можно выделить без особого труда. Преимущественно определение ОЧ опирается на социальные характеристики: профессию, род занятий, принадлежность некоторой социальной группе. Основанием для включения X-а в класс ОЧ, во-первых, является распространенность той или иной профессии; «неэкзотический» или «неэкстремальный» характер того или иного рода деятельности, ее «прозаичность»². Во-вторых, человек

¹ Мы объединяем эти идентификаторы в одну модель, так как проанализированные контексты демонстрируют смысловое тождество, нивелирующее различие в значениях лексем «обычный» и «обыкновенный». Источником материала, который составляют высказывания или тексты, содержащие модели «обычный / обыкновенный человек», «обычные / обыкновенные люди», служит «Национальный корпус русского языка» (основной, устный и газетный).

² Напр.: «...сравнивая положение среднего, **обычного человека — рабочего, учителя, инженера** — с суждениями либеральных политиков о «стабилизации» в стране» (Рустем Вахитов. Партизанские рейды (2003) // «Советская Россия», 15.08.2003); «...на их глазах такие же **обычные люди**, как они сами, — **учителя, пожарные**,

может быть охарактеризован в качестве «обычного», если он принадлежит общности, формирующей «ядро», «центр» или «большинство» в структуре социума (к «обычным людям», как правило, не причисляют представителей маргинальных общественных слоев)³. Тем самым ОЧ предстает как некто хорошо знакомый, привычно связанный с распространенной профессией или увлечением; «обычных людей» мы встречаем часто, их большинство. Таков практически полный набор требований, предъявляемых контекстами идентификации, хотя сам по себе он вряд ли может считаться исчерпывающим. Это подтверждают контексты противопоставления, в которых объем смысла ОЧ задан не столько «изнутри», сколько «извне», не силами притяжения, но отталкивания. В этом случае список признаков, выводящих кого-либо из-под определения ОЧ, а) чрезвычайно обширен и подробен, б) принципиально открыт.

Так, в корпусном материале⁴ определенного человека противопоставляют ОЧ на основании социальных признаков: общественного положения (*высокое лицо, большие люди*), материального

положения (*невероятно богатый человек; миллионеры*), рода деятельности (*политик; ученый; писатель; священник; наркоторговцы; бандиты*), профессии (*опытный дрессировщик; милиционер; футболисты; космонавты; эксперты; летчики; шпионы*), принадлежности к определенной социальной группе (*неформал, панк; те, кто побывал в зоне; алкоголик, наркоман; представитель секс-меньшинств; обитатели фавел; владельцы собак*⁵), социальной значимости, известности (*VIP-пассажиры; замечательные люди; те, кто «на виду»; мировая знаменитость*); личностных характеристик, в том числе духовных, интеллектуальных, нравственных качеств (*гений; философ; идеальное существо, олицетворяющее собой нравственные качества; пророки и святые; чудаки и юродивые; интеллектуалы*), особых способностей, таланта (*супергерой; великий талант; экстрасенсы; маги*), некоторых качеств характера, поведения (*бесстрашный борец; храбрецы особенные; донжуан; фриг*), наличия активной гражданской позиции или приверженности той или иной идеологии (*троцкисты, сталинисты, анархисты; активисты; патриот*); вкусов и предпочтений (*тонкие ценители прекрасного*); физических и психических данных (*кормящая мать; курильщики*⁶; *ребенок-инвалид; богатырь; очкарики; параноик*).

Этот перечень можно продолжать до бесконечности, так как всегда можно

студенты, домохозяйки становятся, если не все миллионерами, то весьма состоятельными гражданами» (Сиснев Виссарион, соб. корр. «Труда». Майкл не хочет быть миллионером // Труд-7, 08.06.2000).

³ Ср.: «С другой стороны, уголовный мир не был столь бессмысленно жесток по отношению к **обычным людям**, «фраерам», своим жертвам» (Алексей Козлов. Козел на саксе (1998)); «Практически все **обычные люди** (пользователи, или юзеры) работают в системе Windows» (В. А. Александр. Битва с обмылками (1997) // «Столица», 29.09.1997); «У **обычных людей**, «монолингв», при решении тех же задач работает правая часть» (РИА Новости // 07.07.2010).

⁴ Далее формулировки признаков будут представлены в том виде, в котором они зафиксированы в «Национальном корпусе русского языка».

⁵ «Например, доказано, что **владельцы собак** гораздо реже **обычных людей** страдают сердечно-сосудистыми заболеваниями» (Итоговый выпуск (вечерний) – 12.04.06 18:10 – Екатеринбург // Новый регион 2, 2006.04.13).

⁶ «Если **обычным людям** в сутки требуется примерно 70 мг аскорбинки в день, то **курильщикам** – уже 100–150» (Анна Кукарцева. Весна. Витамины тают... // Комсомольская правда, 10.04.2007).

найти способ противопоставить любого человека (и, соответственно, найти признак, по которому это противопоставление будет осуществлено) – обычному человеку. Кого же тогда можно включить в разряд «обычных людей»? Вероятно, «всех остальных», тех, кто не противопоставлен ОЧ.

Для подтверждения правомочности ответа используем широко известную цитату из рассказа-эссе Х. Л. Борхеса «Аналитический язык Джона Уилкинса»: «На этих древнейших страницах написано, что животные делятся на: а) принадлежащих Императору, б) набальзамированных, в) прирученных, г) сосунков, д) сирен, е) сказочных, ж) отдельных собак, з) включенных в эту классификацию, и) бегающих как сумасшедшие, к) бесчисленных, л) нарисованных тончайшей кистью из верблюжьей шерсти, м) прочих, н) разбивших цветочную вазу, о) похожих издали на мух».

Если бы нам вдруг пришлось применить эту причудливую классификацию к людям (каждый ее пункт включал бы человека, взятого в каком-то аспекте), то под литерой (м), «прочие», значились бы «обычные люди»; а вся типология выглядела бы примерно так: (а) владельцы собак, (б) кормящие матери, (в) политики, (г) чудачки и юродивые ... (м) «обычные люди». ОЧ – это и есть тот «прочий», который не попадает ни в одну категорию, не обладает ни одним из качеств, которое бы позволило включить его в иную категорию; обычный человек – это тот, о ком нечего сказать, кого невозможно охарактеризовать. Единственным значимым признаком ОЧ оказывается отсутствие всякого признака: обычный человек – ‘тот, который не есть А, не есть Б, не есть С’ ... и так далее до бесконечности.

Все, что связано с повседневным опытом, тяжело поддается (или не поддается вообще) анализу и классификации, оно просто сваливается в отдельный неопределенный пункт. Очевидна связь повседневного опыта с особенностями восприятия человека, который реагирует на мир «избирательно и прежде всего замечает аномальные явления, поскольку они всегда отделены от среды обитания» (Арутюнова 1999: 76). Повседневность ассоциирована с фоном и нормой, она не содержит качеств, которые позволили бы заметить ее, определить, назвать и осмыслить; она ускользает от пристального взгляда, всегда находится не в фокусе; она составляет жизненный фон, среду, ей не придают значения и о ней не говорят. Как только нечто в ней приобретает очертания, качества, характеризующее имя, оно тотчас же выпадает из сферы обычного и повседневного.

Контексты противопоставления, актуализирующие смысл ОЧ, многочисленны и разнообразны; они фиксируют малейшее отклонение от нормы «извне», малейшее возмущение среды, которая сама по себе (изнутри) не определена. Обыденное способно обнаружить и назвать себя лишь на границе с чем-то иным, через внеположное, трансгрессионное, то-чем-не-есть-оно-само; без этого выхода за свои пределы оно невидимо, бесформенно, немо. С другой стороны, любое определение – это всегда абстракция, позиция внеположности определяемому, проблема же нахождения обыденности и ее субъекта заключается в невозможности полностью абстрагироваться от той части опыта, которая называется опытом повседневным – отсюда неразличимость повседневности, ее способность ускользать от аналитических инструментов.

Классификация, которая могла бы содержать класс ОЧ, будет отличаться от типологии Борхеса. В такой классификации не будет жестких признаков, относящих кого бы то ни было к разряду «обыкновенных людей» раз и навсегда; подобное распределение может быть лишь вероятным, но никогда – единственным и окончательным. В качестве эксперимента возьмем некоторый «X», который входит в категорию ОЧ (идентифицирующий контекст) и попытаемся представить его в контексте противопоставления «ОЧ – не X», так чтобы значение ОЧ определялось формулой «все остальные / прочие, не являющиеся X». Так, учитель уверенно может быть причислен к «обычным людям» (по социальному признаку). Однако его же можно представить в контексте противопоставления «обычным людям», что-то вроде «что отличает учителя от обычного человека?»⁷ Вероятно, не существует и такого человека, который не мог бы в одной ситуации входить в класс ОЧ, а в другой – быть исключенным из него. Говорящий всегда задает некую рамку, которая определяет объем и содержание понятия ОЧ, граница же «обычного» и его содержание оказываются подвижными, вариативными. Возможные контексты противопоставления трудно обобщить: объем смысла ОЧ стремится к бесконечности, а семантика его предельно размыта.

Семиотически ОЧ представляет собой пустой знак, шифтер, наполняемый

⁷ Ср. также: «Журналисты – обычные люди. Которые (если им дают волю, конечно) становятся «гласом народа» (Борис Немцов. Провинциал в Москве (1999)); «Многие **обычные люди** считают, что **журналисты** – это волчья стая...» (Ирина Сербина. Я говорил и политикам, и журналистам: главное – не врать. Сэр Бернард Ингам, бывший пресс-секретарь Маргарет Тэтчер (2002) // «Известия», 05.12.2002).

содержанием в каждой конкретной ситуации. Генерализованное значение этого знака будет выглядеть как «не X-1, не X-2, не X-3...» и так до тех пор, пока не исчерпаются все возможные, хоть сколько-нибудь индивидуализирующие имена. И если количество «X» потенциально бесконечно, то сухой остаток смысла для «обычного человека» будет стремиться к нулю. Это еще раз подтверждает наш тезис о том, что обыденность в попытке означить ее – неуволнима, несхватываема, что она отталкивает, вытесняет любые определения.

Одним из свойств шифтерного знака является эгоцентричность. Концептуальный смысл ОЧ также эгоцентричен; рамка, задающая его объем и содержание, всякий раз заново конструируется говорящим, что исключает существование каких-либо «объективных» признаков «обычности». Есть красноречивые свидетельства того, как неординарный человек причисляет себя к «обычным людям», тогда как другие (слушатели, участники), могут оспаривать подобного рода самоопределение, напр.: «*А вот то / что иски подаются / это единственное / что может нас / **обыкновенных людей** / застраховать от ошибок в будущем*» (Беседа И. Хакамады со слушателями радиостанции «Эхо Москвы» // «Эхо Москвы», 2003–2004)⁸.

Знак «обычный человек» представляет собой нечто вроде семантической линзы, всякий раз заново проецирующей классификацию вещей, их перераспределение по классам и группам в зависимости от конкретной ситуации и позиции

⁸ Ирина Хакамада – известный российский общественный деятель.

говорящего. Распределение классифицирующих признаков осуществляется по остаточному принципу, так, что в разряд «обычного» неизменно будет отнесено все незначимое, несущественное, то, что выпадает из сознания, не привлекает внимания, не может служить предметом сообщения.

Можно ли воссоздать и описать это неопределенное, размытое, ускользающее содержание? Несмотря на все признаки пустого знака, мы вправе предположить для выражения «обычный человек» наличие некоего самостоятельного и целостного содержания. Поскольку концептуальная семантика знаков, описывающих повседневность, вытеснена в сферу ассоциаций, слабых смыслов и пресуппозиций, обратимся к иным (помимо идентификации и противопоставления) контекстам, содержащим интенциональные характеристики «обычного человека» и указания на дополнительные признаки, ассоциируемые с главным («обычный»).

2. ГЕНЕРАЛИЗОВАННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ В ОПРЕДЕЛЕНИИ «ОБЫЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Анализ большого числа контекстов позволяет выделить в ряду прочих две группы значений: ОЧ 1 – ‘ЧЕЛОВЕК С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СООТНЕСЕННОСТИ С НЕКОТОРЫМ ЦЕЛЫМ’ и ОЧ 2 – ‘ЧЕЛОВЕК КАК ЦЕНТР МИКРОМИРА’.

2.1. ОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СООТНЕСЕННОСТИ С НЕКОТОРЫМ ЦЕЛЫМ

В семантическом поле ОЧ 1 значения могут варьироваться в зависимости от

способа представления целого и характера отношений с ним. Покажем отдельные вариации этого значения.

Значительное число проанализированных контекстов описывают «обычного человека» как часть некоей общности людей. Эта последняя может быть представлена как социальная группа или социальная роль – ОЧ 1.1 ‘ЧЕЛОВЕК КАК ЧЛЕН СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ’. Признаки, связывающие обыкновенного человека и группу, легко определимы – это социальные параметры; ими же и ограничивается «обычность» обычного человека, напр.: *«...цель заказчиков исследования – узнать мнение рядовых потребителей посмотреть, как будут реагировать на их рекламу обычные люди, для которых эта самая РЕКЛАМА ПРЕДНАЗНАЧАЕТСЯ (Алена. ПЛАТА ЗА МНЕНИЕ // Труд-7, 2008.04.28)»*.

Целое может выступать как недифференцированная совокупность (масса, толпа, народ, страна) – ОЧ 1.2 ‘ЧЕЛОВЕК КАК ЧЛЕН НЕДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЙ СОВОКУПНОСТИ’. Признаки, конституирующие эту общность, оказываются незначимыми: «толпу обычных людей» объединяет сама толпа, сам факт присутствия в ней. Ср.: *«Пока избранник еще не вышел из толпы, пока душа его «вкушает хладный сон», – себе самому и людям он кажется обыкновенным человеком» (Д. С. Мережковский. Пушкин (1896))»*.

Характер отношений между человеком и группой варьируется: от сравнительно слабой зависимости до отношений принадлежности. В первом случае обычно называются конкретные признаки, включающие обычного человека в состав группы: общие интересы,

убеждения, образ жизни и даже эпизоды биографии⁹. Принадлежность в своем пределе предполагает, что любое свойство (потенциально – все свойства) ОЧ полностью детерминировано свойствами множества, которому он принадлежит. В этом случае обычный человек совершенно неотделим от включающего его целого¹⁰.

Целостность, включающая «обычного человека», может быть неопределенной, практически не названной: «мы», «все» – ОЧ 1.3 'ЧЕЛОВЕК КАК ЧАСТЬ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО МНОЖЕСТВА'. Определить основания для формирования общности, как и отношения целого и части здесь не представляется возможным, так как части уже не существует: речь принадлежит не обычному человеку, но «обычным людям», самому целому, поглотившему индивида¹¹.

Как видим, человеку повседневности для (само)идентификации жизненно важно установить связь с чем-то большим, нежели он сам. Коллектив, группа, общность, «все остальные» выступают в качестве основы существования ОЧ, да и само его бытие мыслится как включенное в бытие того целого, которому он принадлежит¹². Утрата ощущения

соотнесенности с целым, чувства включенности, принадлежности, ситуация самостояния, одиночества, нахождение человека наедине с самим собою выводят его за пределы поля значений обычного, и он предстает как *философ; поэт; герой* или *святой*, как *удивительный; замечательный; уникальный* человек.

Сам факт существования общности как таковой для обычного человека представляет первостепенную важность; главное – установить эту родственную связь, манифестировать ее, произнести почти заклиательное «мы с тобой одной крови». Вне этой связи человеку в повседневности просто нечего сказать о себе. Заметим, что в постоянной апелляции к некоей общности проявляется особенность русского мировосприятия, присутствие в нем общинного, коллективного, соборного сознания. Это специфическое чувство мира предоставляет русскому человеку широчайший горизонт возможностей самоопределения: это и жертвенное самосознание героев Ф. М. Достоевского, и представление об «ответственности всех за всех» (Вяч. Иванов), и философия всеединства В. Соловьева; в плоскости же обыденного «коллективность» способна инициировать такие смыслы, как возможность и важность взаимопонимания, представления о сердечном, душевном родстве, необходимости взаимовыручки, чувстве локтя и т.п.

С другой стороны, безоговорочная принадлежность к МЫ проблематизирует существование Я, собственно человека (детерминируя его, вводя в отношения прямой зависимости от целого, обесценивая его – вплоть до полной аннигиляции Я и его замещение общим, единым, всеми). В этом плане концеп-

⁹ «Он **обычный человек**... Он воспитывался в нашей советской школе / был октябренок / пионером / комсомольцем / служил в армии» (Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) // Фонд «Общественное мнение», 2000).

¹⁰ «Он **обыкновенный человек**. Он наш человек» (Владимир Маканин. Голоса (1977)).

¹¹ А что же мы, **обычные люди**? Может быть, и нам пора встать на защиту детского здоровья? (Борис Орлов. Детей губит равнодушные... // «Комсомольская правда», 01.12.2010).

¹² Ср.: «...в какой малой цене в **нашей общей биографии** жизнь. Жизнь каждого отдельного **обычного человека**» (Инна Руденко, Фото Леонида Валеева и с сайта rompne-nas.ru. О живых и мертвых // «Комсомольская правда», 22.06.2007).

туальная семантика ОЧ развивается аналогично семантике вещественных существительных; «толпа обычных людей» выделяется так же, как и «куча гороха»: важна, значима, заметна вся совокупность, но не отдельная «единица – вздор, единица – ноль». Значение ОЧ 1.4 – ‘ЧЕЛОВЕК КАК ЧАСТЬ БОЛЬШОЙ СОВОКУПНОСТИ’ актуализировано в контекстах, где счет «обычных людей» идет на *тысячи тысяч, миллионы, на громадное большинство*¹³.

Подобный характер взаимоотношений части и целого отражает принципиальную несвободу части; горизонт возможностей самоопределения для человека повседневности – это стремительно сужающаяся перспектива. Обыденное сознание подчинено закону: целое всегда больше его части. И в обыденном дискурсе устанавливается безоговорочный примат целого, тогда как часть – обычный человек в повседневности – становится все более незначительной, незаметной, неценной вплоть до ничто: один человек – ничто перед людьми, мнение одного человека – ничто перед мнением большинства (в этом состоит принципиальное отличие обыденного сознания от «соборного» мировоззрения: последнее зиждется на равноценности части и целого, где никакое целое не может быть больше его части – человека).

Опасность подобного рода неутешительной семантической перспективы¹⁴

¹³ Ср.: «Великий день, священный час, непостижимые минуты, и ты, простой, **обыкновенный человек, один из миллионов** вдруг в эти минуты сливаешься с величием победы...» (Н. Погодин. Сверхилось!.. (1945) // «Известия», 09.05.1945); «Жизнь **обыкновенного человека, каких тысячи тысяч**, вовсе не кажется ему прожитой зря» (Улитки после дождя (2003) // «Театральная жизнь», 26.05.2003).

¹⁴ Ср.: «Завтра утром тебе предстоит идти и обьясняться с **обычными людьми**, которые всего лишь

для ОЧ как субъекта повседневности кроется в тесно сообщающихся с семантикой целостности значениях сходства – ОЧ 1.5 ‘ЧЕЛОВЕК С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СХОДСТВА С «ОСТАЛЬНЫМИ»’. Последние представляют исключительную важность: с их помощью устанавливается, а затем всякий раз подтверждается принадлежность ОЧ большинству. Множественные контексты содержат указание на сходство с собеседником (собеседниками), другими людьми, *всеми, остальными*¹⁵, сходство биографии и образа жизни¹⁶. Значения подобия актуализированы и в ситуации противопоставления *обычным людям непохожих*¹⁷.

Сходство, одинаковость «обычных людей» носит безоговорочный характер, индивидуальные же черты либо отбрасываются как несущественные, либо вовсе отрицаются¹⁸; ОЧ не выделяется

иногда будут говорить «мы», и это короткое «мы» **приводит тебя в ужас, в страх...**» (Владимир Маканин. Стол, покрытый сукном и с графином посередине (1993)).

¹⁵ Ср.: «Это самые **обычные люди**. Такие же, как **мы...**» (Надежда Шульга. Эксперт «Битвы экстрасенсов» Михаил Виноградов: «Приходится работать переводчиком с языка экстрасенсов на миллцейский» // Комсомольская правда, 12.03.2010) «А мы такие же **обычные люди**, как и **все остальные**» (Итоговый выпуск (вечерний) – 28.07.05 19:40 – Екатеринбург // Новый регион 2, 29.07.2005).

¹⁶ Напр.: «Во всем остальном у Лады **все, как у обычных людей**: два раза была замужем, родила сына Илью и дочку Лизу, сама добилась всего, что сейчас имеет, и боится вещей, которые невозможно контролировать, то есть войны, болезни и стихийных бедствий» (Кто играет «идеальных» людей? // Комсомольская правда, 09.01.2006).

¹⁷ Напр.: «...это ведь и была идея фильма — **непохожие** во всем своем многообразии чаще всего не принимаются обществом, они боятся не только за себя, но и за людей, которым могут навредить, или ненавидят **обычных людей...**» (Алла Иванова. История болезни // РБК Daily, 29.04.2009).

¹⁸ Ср.: «...**обыкновенный человек, такой же самый**, какого можно увидеть у телескопа в Афи-

из числа себе подобных, он рядовой или заурядный¹⁹. В конце концов, он и предстает тождественным, равным некоему неопределенному множеству – всем остальным²⁰.

Значения сходства легко трансформируются в значения тождества: ОЧ 1.6. 'ТОЖДЕСТВО ОЧ И ЦЕЛОГО'. В этом случае человек исчезает, остается функция уравнения, арифметическая, статистическая величина²¹. Столь необходимая человеку целостность оказывается совокупностью тождественных единиц, однородной массой; в конце концов, она вырождается в математическое множество, статистический показатель (ср. «процент» в рассуждениях Раскольникова), в котором жизнь отдельно взятого человека с его стремлениями, мечтами, переживаниями, сомнениями не выходит за пределы погрешности. «Горизонт значений» для «обычного человека» сводится к формуле $X \in M$, где человек – x – бесконечно малая точка, принадлежащая множеству.

нах, или в Неаполе, или в Одессе» (Илья Ильф, Евгений Петров. Одноэтажная Америка (1936)); «Я самый **обыкновенный человек, не отличающийся** ни особой силой, ни отвагой» (Михаил Елизаров. Библиотекарь (2007)).

¹⁹ Ср.: «...был он **обыкновенный** и ни видом своим, ни умом, наверное, **не выдававшийся** и похож на всех обыкновенных людей» (Виктор Астафьев. Веселый солдат (1987–1997) // «Новый Мир», 1998).

²⁰ Ср.: «...он станет для всех **обыкновенным человеком, абсолютно равным** и неинтересным» (Анатолий Алексин. Мой брат играет на кларнете (1967)).

²¹ Напр.: «...встать на место **обычного человека** и попытаться хотя бы один месяц прожить на пенсию или зарплату, которую получает **среднестатистический россиянин**». (Агишева Гузель. Что посоветуете министрам? // Труд-7, 26.09.2007); «Для **обычных людей** / для **большинства населения**...» (Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2003).

Таким образом повседневность оказывается сферой неразличимого, недифференцированного, сплошного, однородного. Это некий фон жизни, предполагающий отсутствие индивидуального, невозможность разного; безличная и безразличная сторона бытия. Человек полностью слит с этим фоном, погружен в него, неразличим²². Обычный человек теряет собственное лицо и имя²³, подчиняясь безличности и анонимности неопределенной и неопределимой обыденности. Здесь Я окончательно исчезает, будучи не просто подавленным МЫ, но и утраченным в силу невозможности личного – несхожего, необщего существования.

Присутствие в семантике обыденного значений принадлежности большинству и значений неиндивидуализированного множества может проецироваться в план речевого поведения и коммуникативных практик. Во-первых, анонимность большинства рождает различные коммуникативные феномены: слухи, толки, сплетни, молву. Для нас важны такие их характеристики, как отсутствие автора (слухи распространяют, пересказывают, но не придумывают; субъект-первоисточник слуха всегда остается неизвестным); их способность «распространяться

²² Ср.: «...в большой семье можно воспитать только **среднюю личность**; так и воспитываются **массы обыкновенных людей**, так редки поэтому великие человеческие характеры, счастливое исключение из **серой толпы**» (А. С. Макаренко. Книга для родителей (1937)).

²³ Ср.: «**обыкновенные люди** вошли, и лица у них **были обыкновенные**, может быть, более напряженные, пугливые, и мы как-то **растворились в этой толпе**» (Юрий Головин. Я стоял неподалеку от того танка... (2001)); «Он всегда был личностью, но пока назывался Назаренко, его ошибочно принимали за **обычного человека**» (Михаил Тарасенко. Буквоед выходит на охоту (1997) // «Столица», 29.07.1997).

как бы сами по себе, независимо от воли какого-то конкретного лица или группы лиц» (Крейдлин, Самохин 2003: 135). Толки представляют собой бессубъектную речь; это мнение, не принадлежащее никому, не предполагающее никакой ответственности за их содержание и достоверность этого содержания. Однако обыденное сознание склонно доверять слухам и молве (см. например: *нет дыма без огня, люди зря говорить не будут* т. п.), испытывать к ним интерес именно в силу того, что слух принадлежит не одному человеку (мнением которого можно пренебречь), но всем, большинству, которое человек обыденности не может игнорировать.

Заслуживает внимания та степень доверия, которую принято оказывать общественному мнению, притом, что это последнее вообще не подлежит проверке на истинность, соответствие действительности или обоснованность, о нем просто не говорят в таких терминах. Причина этого, как кажется, заключается опять-таки в принадлежности общественного мнения всем. Позиция одного требует обоснования, аргументов, доказательств. Общественное мнение ценно уже в силу самого факта своего существования, оно самодостаточно и само способно выступать в качестве аргумента (апелляции к общественному мнению). Мнение одного, как правило, предполагает, учитывает или имплицитно содержит возражения, контраргументы, являясь как бы частью скрытой или явной полемики. Мнение же большинства ни с кем не спорит, ничего не доказывает, оно просто есть и оно не предусматривает обязательности диалога.

Наконец, мнение, высказывание отдельного человека может быть с успехом

удостоверено простым указанием на то, что оно принадлежит большинству и разделяется большинством. В этом случае говорящему опять-таки не потребуются ни аргументы, ни доказательства, достаточно легитимизирующих высказывание речевых формул, таких как *хорошо известно, что..., говорят, что..., все об этом знают* и т. п.

2.2. ОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК КАК ЦЕНТР МИКРОМИРА

Взаимообусловленность представлений о повседневном плане существования и представлений о нормальном положении вещей, стабильности, мере, равновесии, стандарте, образце, шаблоне ставит вопрос об аксиологической организации повседневного пространства. С представлениями о ценностно значимом центре как о некоей объективности, существующей вне человека (фиксируемыми, в частности, соотносительностью с большинством), в сфере обыденного конкурируют представления, помещающие центр внутрь человека. В этом случае норма эгоцентрична, система координат задана ценностным пространством самого индивида, точкой отсчета, наиболее значимым центром становится он сам. Подобные представления отражены и в семантике ОЧ – это значения, объединенные интегрирующим признаком ОЧ 2: ‘ЧЕЛОВЕК КАК ЦЕНТР МИКРОМИРА’.

В семантике модели ОЧ наряду с интегрирующими, объединяющими смыслами работают смыслы, которые не дифференцируют, не различают, но разделяют; они позволяют обычному человеку не столько выделиться из целого, большинства, толпы, сколько

отграничиться от нее, ощутить свою отдельность, частность. Обычный человек – это человек сам по себе²⁴, в аспекте частной жизни, с точки зрения его личного опыта²⁵, привычек, пристрастий, предпочтений²⁶, социальных ролей и семейных отношений²⁷.

Сфера обыденного предоставляет обычному человеку возможность создания своего особого пространства, особого мира, преобразованного таким образом, чтобы быть соразмерным человеку, обеспечивать ему спокойное и комфортное существование, гарантировать неизменность его жизни и отсутствие возмущений²⁸. Проекциями микромира ОЧ оказываются: жилище, дом, (обладающие такими характеристиками, как

²⁴ Ср.: «Причем если вначале проявили себя представители муниципальных, общественных организаций, то потом пошли **обыкновенные люди, не входящие ни в какие комитеты и партии**» (Байгаров Сергей. Сибирский эксперимент // Труд-7, 22.11.2002).

²⁵ «Горький **личный опыт** заставил первого вице-премьера посмотреть на ситуацию с дорогами глазами **обычного человека**» (Анастасия Саввиных. В России построят дороги без дураков // Известия, 25.03.2008).

²⁶ Ср.: «ведь космонавты **обычные люди**, со своими семьями, проблемами, планами на будущее...» (Черкасская Марина. Исповедь перед взлетом // Труд-7, 24.01.2001); «Ведь главы государств – это не только лидеры своих стран, но и **обычные люди** со своими пристрастиями, привычками, возможно, странностями» (Гусейнов Рафаэль. Мы не одиноки в этом мире // Труд-7, 05.09.2002).

²⁷ Ср.: «Судья выглядел как вполне **“обыкновенный” человек**, с достоинствами и недостатками, в прошлом участник войны, боевой офицер, отец семейства, я уверен, считающий, что делает в жизни нужное и трудное дело» (А. Д. Сахаров. Воспоминания (1983–1989)).

²⁸ Ср.: «...так называемые **обычные люди**, которые не хотят ничем рисковать и больше всего озабочены тем, чтобы их не трогали» (Сергей Штерн. Ниже уровня моря // «Звезда», 2003); «Почему в них втравливают его, **обыкновенного человека**, который хочет только одного – спокойно жить, не думая ни о чем?» (Виктор Левашов. Заговор патриота (2000)).

порядок, уют, неприкосновенность)²⁹; личное пространство; быт и жизненный уклад³⁰; неформальная обстановка, свой круг и возможность непринужденного общения³¹ – все, что составляет индивидуальное жизненное пространство. Вариантом «своего мира» оказываются интенции и установки обычного человека: его желания, амбиции, возможности и интересы не выходят за пределы, обозначенными «зоной комфорта» обыденной сферы³².

Значения ОЧ 2, таким образом, дают представление о повседневности как обособленном пространстве, отделенном от всего остального мира чем-то вроде мембраны, частично проницаемой, с одной стороны, и обеспечивающей целостность своего мира – с другой. Эта преграда может быть как материальной (например, замкнутыми являются типичные пространства повседневности: комната, дом, огороженный двор; границу имеют локусы, которые человек считает своими: район, город, повседневные маршруты), так и нематериальной: представлениями о том, что должно входить

²⁹ Напр.: «**Но люди обыкновенные**, которые предпочитают динамиту уютный домик, начинают обживать новую веру, устраиваться в этом голом шалаше по-хорошему, по-домашнему» (И. Г. Эренбург. Необычайные похождения Хулио Хуренито (1921)).

³⁰ Ср.: «Мои родители **обыкновенные люди**, инженеры оба, мама сама мне шьет, тихие, заботливые, скромный быт, телевизор и бесконечная родня» (Мария Головановская. Противоречие по сути (2000)).

³¹ Ср.: «А я по-прежнему люблю находиться в непринужденной обстановке среди таких же, как я, **обычных людей**» (Колодина Мария. Мечтаю об идеальной семье // Труд-7, 28.07.2006).

³² Напр.: «Как **обычные / скажем... обычному человеку** объяснить / который не сталкивался / может быть / с этой... сферой (...) который **живет сам по себе и не особо интересуется тем / что происходит вокруг?** (Беседа с социологом о переписи населения // Фонд «Общественное мнение», 2001).

в личное пространство, а что – исключаться из него.

Это пространство конституировано особым статусом вещей и явлений окружающего мира, включаемым в область микромира ОЧ, и особым отношением субъекта повседневности к окружающему миру. Особый статус вещей в сфере обыденного отражен в интенциональных характеристиках «обычного человека» и актуализирован значениями, объединенными признаком ОЧ 2.1 'ЧЕЛОВЕК С ПОЗИЦИЙ ЖИТЕЙСКОГО'. Житейское противостоит жизненному, как маленькая жизнь противостоит большой. Повседневность – царство жизненных мелочей³³, деталей и подробностей; подробностями изобилуют описания «обычного человека»³⁴, а поскольку житейское также включает сферу быта, домашнего хозяйства, каждодневные события и действия (еда, сон, работа, досуг), то и подробности эти часто нарочито бытовые³⁵.

Рассмотренные группы значений в некотором смысле противоречат друг другу: ОЧ предстает то как принадлежащая большинству и неотделимая от него часть, то как существующий в некоем герметичном пространстве, в отдельности своего мира. Семантическая целостность, которая могла бы снять это

противоречие, и ее природа неочевидны. Попытаемся ответить на вопрос, каков характер такой целостности: идет ли речь об иерархической семантической структуре или принцип организации этого единства иной.

3. ХАРАКТЕР СМЫСЛОВОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ОБЫДЕННОГО ДИСКУРСА

При обработке и систематизации материала мы столкнулись с трудностью, а подчас и невозможностью сколько-нибудь четкой классификации значений: линейная организация текста встречала своего рода сопротивление материала, обусловленное, как нам кажется, нелинейным, асистемным характером семантической самоорганизации дискурса. Рассматриваемые значения способны входить в разные семантические поля, они тесно связаны, переплетены, но связи эти изменчивы; значения дробятся или, напротив, сливаются. Мы можем говорить о соприсутствии значений, их «мерцании», «подсвечивании» и «просвечивании». Это позволяет также утверждать отсутствие «в представленном нами семантическом пространстве единого, порождающего и подчиняющего центра или «ядра».

Эти особенности позволяют обратиться к понятию синергетической среды, **ризомы** как принципиально внеструктурного и нелинейного способа организации целостности. Известно, что в целостностях подобного рода выделить центр и периферию невозможно; они асистемны, динамичны, но именно такие целостности задают возможности порождения непредопределенных смыслов. Это позволяет говорить не о структуре и иерархии семантического

³³ Ср.: «Но обычная жизнь **обычного человека** складывается ведь из **мелочей**: подъезд, двор, почта, трамвай, аптека, ЖЭК» (Инна РУДЕНКО. Коонец политических бурь? // Комсомольская правда, 16.03.2004).

³⁴ Напр.: «Кривошеин был **обыкновенный человек**, и у него на морозе мерзли уши» (Г. Я. Бакланов. Мертвые сраму не имут (1961)).

³⁵ Напр.: «Он был **обыкновенным человеком**. Он пил чай, ел яичницу, любил беседовать с друзьями о прочитанных книгах, ходил в МХАТ, иногда проявлял доброту» (Василий Гроссман. Все течет (1955–1963) // «Октябрь», 1989).

пространства, но о неких линиях, поверхностях, обеспечивающих смысловое единство дискурса. Так, в исследуемом материале обнаруживаются связующие смыслы, своеобразные лигатуры, насквозь прошивающие семантические поля обыденного дискурса; натяжения, задающие возможности трансформации значений в нем; узлы, образованные их пересечением. Соприсутствием подобных лигатур и конституируется целостность обыденного дискурса.

Одной из таких конститuent в обыденном дискурсе является лигатура ПУБЛИЧНОСТЬ – ЭГОЦЕНТРИЗМ. Она, собственно, и задана рассмотренными значениями ОЧ 1 – ‘человек с точки зрения соотнесенности с некоторым целым’ и ОЧ 2 – ‘человек как центр микромира’.

ПУБЛИЧНОСТЬ предполагает необходимую для идентификации связь с неким целым, большинством и невозможность самоопределения в повседневности без установления этой связи. Она же включает в себя и установление сходства с остальными людьми, и причастность ядерному большинству, и указания на принадлежность группе, и, наконец, полное отождествление с целостностью.

ЭГОЦЕНТРИЗМ как ‘ОТДЕЛЬНОСТЬ’ присутствует в смыслах, конституирующих повседневность как пространство, ценностным центром которого является ОЧ (значения ‘своего мира’ как изоморфного центру (человеку) жизненного пространства, герметичного, изолирующего).

То, что кажется «оппозицией» связанных этой лигатурой значений, их двойственностью или дуализмом, таковым не является по сути. Способ существования и представления смыслов в повседневности – это не противопоставление, но соприсутствие. Противопоставление является лишь внешней по отношению к повседневному сознанию процедурой; выделение оппозиций – итог анализа, тогда как обыденное принимает все без различения и установления иерархии, как в калейдоскопе или коллаже. Представление этих отношений как двойственности смыслов (как и собственно их разделение) является аналитическим приемом. Тем самым ПУБЛИЧНОСТЬ и ОТДЕЛЬНОСТЬ могут быть рассмотрены как точки, задающие измерение, в котором будут (транс)формироваться значения дискурса.

Для самоопределения субъект обыденного сознания должен ощущать присутствие некоторой человеческой общности (она может быть представлена как коллектив, большинство, народ, люди, все или мы). И не столь важно, какого именно рода отношения устанавливает человек с таким целым – отождествление, принадлежность – или отграничение, отдельность – главное, что он связан с ним, нуждается в нем: для того ли, чтобы с ним слиться или от него оттолкнуться – это лишь варианты одной и той же зависимости, одной соотнесенности. Вне этой соотнесенности самоидентификация субъекта повседневности оказывается невозможной.

Литература

АРУТЮНОВА, Н. Д., 1999. *Язык и мир человека*. Москва: Языки русской культуры.

ЙОРГЕНСЕН, М. В., ФИЛЛИПС, Л. ДЖ., 2008. *Дискурс-анализ. Теория и метод*. Харьков: Гуманитарный центр.

КРЕЙДЛИН, Г. Е., САМОХИН, М. В., 2003. Слухи, сплетни, молва – гармония и беспорядок. *Ип: Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка*. Москва: Индрик, 117–157.

Источники

Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (См. 12.12.2014).

Helena Kardashova

V. N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine

Research interests: discoursology, lingvoculturology

ORDINARY MAN / COMMON MAN: CONCEPTUAL SUBJECT'S PROJECTIONS OF EVERYDAY DISCOURSE

Summary

This paper seeks to formalize the structures of everyday discourse. The search for factors ensuring the unity and autonomy of everyday discourse is based on the assumption that the integrity of the discourse as such is guaranteed by the instance of discursive subject. The article deals with the common notion of collective subject/common subject popular in lingua-cultural approach in the Russian discourse analysis. The article on

the material of the Russian National Corpus analysed the statements containing an identifier “common / ordinary man”, specified the values in this model, and reconstructed the paradigm of conceptual meanings significant to the speaker as the subject of ordinary discourse. Two aspects of the concept are considered: one model focuses on semantic structures of a subject positioned as a member of a community; another model is related to the subject projecting one in opposition to the other. The author of this article argues that the constitutive force of each discursive practice lies in its provision of subject positions. While the everyday discourse makes available to take up both positions for subjects, the discourse analysis reveals the synergistic nature of everyday communication.

KEY WORDS: daily, ordinary discourse, the subject of ordinary discourse, stereotypical model of identification, “ordinary man”, “common man”.

Gauta 2014 09 15

Priimta publikuoti 2015 01 15